

УДК 35.082.21(09) + 94(571.53)

Е. В. Вершинин

РОЛЬ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Рец. на кн.: *Леонтьева, Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) / Г. А. Леонтьева. – М. : Изд-во Моск. гос. пед. ун-та, 2012. – 321 с.*

Автор монографии, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета Г. А. Леонтьева в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию на эту тему, но не спешила публиковать ее отдельной книгой. Создается впечатление, что, занимаясь самыми разными проблемами русской колонизации Сибири в XVII в. [см., в частности: Леонтьева, 1991; 1997], Г. А. Леонтьева сознательно подвергла свой труд проверке временем и не ошиблась. Знакомство с монографией показывает, что перед нами не извлеченный на свет сорокалетней давности текст, а исследование, в котором учтена и осмыслена сибиреведческая литература последних десятилетий; работу же с архивными источниками автор не прекращала никогда. Для историка-сибиреведа нет нужды указывать, что исследование Г. А. Леонтьевой в тематическом аспекте близко стоит к монографии Н. И. Никитина [см.: Никитин]. Наличие этих двух работ дает прекрасную возможность для размышлений о сходстве и различиях служилых людей Западной и Восточной Сибири, а в более широком смысле – о роли служилого элемента в поэтапном движении колонизации на восток.

Объектом исследования Г. А. Леонтьевой стало формирование категории служилых людей в Иркутском и Нерчинском уездах с последующим процессом (хотя и на первоначальной стадии) их превращения в постоянное старожильческое население. Территории Предбайкалья и Забайкалья по мере основания русских острогов и острожков управлялись сначала из Енисейска, и лишь со временем выделились самостоятельные Нерчинский и Иркутский уезды. История Нерчинского уезда в XVII в. всегда вызывала повышенное внимание ученых, поскольку его пограничная территория стала ареной таких событий, как военные столкновения с Цинским Китаем на Амуре в 1650-х и 1680-х гг., заключение Нерчинского договора 1689 г., развитие торговли с Китаем в конце столетия. Если Иркутский острог существовал с 1661 г., а центром уезда стал с 1681 г., то подобной ясности нет в отношении Нерчинского уезда.

На этом вопросе стоит остановиться немного подробней, поскольку рецензент испытывает определенное чувство вины перед автором монографии. Г. А. Леонтьева пишет: «С учреждением в 1656 г. Нерчинского воеводства и назначением туда воеводой Афанасия Филипповича Пашкова территория Во-

сточного Забайкалья, район Шилки и земли, расположенные по Амуру, выделились в Нерчинский уезд...» (с. 27). При этом Г. А. Леонтьева делает ссылку на работу рецензента, который в настоящее время вовсе не уверен в формальном существовании Нерчинского уезда «с даурскими острогами» с 1656 г. [Вершинин, с. 164]. Не останавливаясь на подробностях, которым здесь не место, суждения рецензента в настоящий момент сводятся к следующему. Нерчинский острог был основан только в 1658 г. отрядом А. Ф. Пашкова. Сам основатель называл его Верхним Шилкским, а также Нелюцким и Тунгусским. Нерчинским этот острог впервые назван, кажется, в грамоте 1659 г. из Москвы в Якутск [см.: Артемьев, с. 48–49]. С 1662 по 1677 г. «в Дауры, в Нерчинские остроги» назначались представители служилой верхушки Тобольска: Л. Б. Толбузин, Д. Д. Аршинский, П. Я. Шульгин. В это время шел процесс формирования территории Нерчинского уезда, а его пограничная географическая неопределенность поставило управление им в особое положение по сравнению с другими сибирскими «воеводствами». В 1677 г. приказным человеком в Нерчинские остроги был назначен енисейский сын боярский Гр. Лоншаков, очевидно, по причине образования Енисейского разряда, в который вошла и территория Забайкалья. Наконец, в 1680 г. «в Даурех в Нерчинских городах, в шести острожках» появился первый воевода из Москвы — стольник Ф. Д. Дементьев [ПСРЛ, с. 171]. Этот факт можно считать окончательным признанием Нерчинского уезда в административном делении Сибири.

Уточнение этих формальностей ничуть не ставит под сомнение правильность решения Г. А. Леонтьевой начинать историю служилых людей Предбайкалья и Забайкалья с момента их фактического преемственного существования на территориях будущих Иркутского и Нерчинского уездов. Исторические работы в самом общем виде делятся, в зависимости от склонности авторов, на две категории: 1) те, которые наполнены историософскими размышлениями и социологическими догадками, и 2) те, которые опираются на обильный фактический материал источников, при знакомстве с которым только и можно делать репрезентативные выводы (какими бы мелкомасштабными они ни представлялись создателям генерализирующих теорий). Монография Г. А. Леонтьевой насыщена «фактологией», которая (там, где позволяют источники) систематизирована в виде многочисленных таблиц.

Г. А. Леонтьева последовательно рассмотрела такие вопросы, как формирование служилых людей указанных уездов, их обязанности, государственное обеспечение и размеры окладов, вклад служилых людей в земледельческое освоение территорий, их занятия ремеслами и промыслами, а также участие в развитии внутренней и внешней торговли. Если с А. Ф. Пашковым в Забайкалье прибыло 460 служилых и охочих людей, то в 1662 г. в трех острогах Нерчинского уезда насчитывалось лишь 75 служилых людей (с. 31–32), что до сих пор остается некоторой загадкой. В целом неудачный поход Пашкова («даурский воевода» так и не посетил Приамурье) сопровождался катастрофичной убылью людей, о причинах которой сам Пашков предпочел умолчать. Тем не менее в течение 1660–1680-х гг. гарнизон только Нерчинского острога увеличился с 46 человек в 1664 г. до 180 в 1689 г. (с. 36–37). Как показано

в исследовании, основными источниками комплектования гарнизонов двух уездов были осевшие на постоянное житье «годовальщики» из Западной Сибири (в первые годы колонизации Забайкалья), гулящие и промышленные люди, а с 1690-х гг. — родственники самих местных служилых людей по прибору. Г. А. Леонтьева обоснованно связывает последний факт с ростом старожильческого населения служилого населения в целом. В 1693 г. в гарнизонах Иркутского уезда (к которому относилось и Западное Забайкалье) числилось 995 служилых людей по прибору (т. е. рядовых), в Нерчинском уезде — 425 человек; из общего количества 1420 служилых 1 тыс. составляла гарнизоны четырех городов. В 1725 г. в Иркутском и Нерчинском уездах служилых людей было соответственно 901 и 551 человек (с. 54). Думается, что в разделе о численности служилых людей были бы интересны некоторые итоговые данные о численности как всего русского, так и автохтонного населения уездов.

Служилые люди в Предбайкалье и Забайкалье к концу XVII в. явились ядром формирования русского старожильческого населения. Г. А. Леонтьева показала многообразные линии взаимосвязи между этим процессом, социальным происхождением (во многом крестьянского и посадского) служилых людей по прибору в рассматриваемых уездах, недостаточностью их государственного обеспечения и их обращением (по преимуществу добровольным) к сельскохозяйственным занятиям. Старожильческое население распространялось, по мысли Г. А. Леонтьевой, из уездного центра к его периферии: «Образование старожильческого служилого населения, численный рост семей в единении с занятиями хлебопашеством создавали необходимые условия для переселения “всяких чинов” служилых людей из гарнизонов на отведенные им земли и основания ими... деревень» (с. 232). В книге много имен и фамилий русских поселенцев 1—3-го поколений в Байкальском регионе, что дает возможность для построения старожильческих генеалогий вплоть до XX в. Можно только пожалеть об отсутствии в работе именного указателя.

В монографии подробно, насколько позволяли сохранившиеся источники, рассмотрены ремесленные и промысловые занятия служилых людей. В отношении развития местного ремесла роль служилых Нерчинского уезда по понятным причинам (в частности, меньшей заселенности) была гораздо заметней, чем в Иркутском уезде. Представляется, что обращение служилых людей к ремеслу в первые десятилетия колонизации тех или иных сибирских территорий диктовалось не столько общими тенденциями складывания далекого географически общероссийского рынка (с. 232), сколько насущными потребностями привыкшего к определенному ассортименту ремесленной продукции русского переселенца. Совмещение хозяйственных занятий со службой, характерное для служилых людей по прибору в XVII в., получало особую актуальность на колонизируемых окраинах. Сочетание в одном лице служилого человека и землепашца (или ремесленника) удовлетворяло и самого служилого человека, и государство, которое, как отметила Г. А. Леонтьева, пополняло казну благодаря поступлениям от торговли ремесленными изделиями, пушнины, продуктов земледелия и рыболовства, а также существовавшей системе откупов в местный бюджет, дефицит кото-

рых в исследуемых уездах в конце XVII — начале XVIII в. сводился к минимуму.

Весьма интересны приводимые в монографии сведения об участии служилых людей в торговле с Китаем, «пионерами» которой они стали еще до установления с ним официальных отношений. Пограничная специфика сделала из многих служилых людей или (реже) завуалированных состоятельных торговцев, или полуохраников-полуторговцев в составе казенных караванов в Китай. Участие в караванной торговле с Китаем в 1690-х гг. для нерчинского служилого мира имело следствием заметную имущественную дифференцию в его среде и, как следствие, возрастание верстаний служилых по прибору в служилые по отечеству (с. 199–227).

Во введении Г. А. Леонтьева сделала мягкий упрек Н. И. Никитину, что хронологическое ограничение его работ о служилых людях Сибири концом XVII в. может оставить у читателя чувство недописанной книги (с. 16). Его (читателя), естественно, интересуют метаморфозы служилых людей в Сибири (и «по отечеству», и «по прибору») в эпоху Петровских реформ и, можно добавить, в течение всего XVIII в. Казаки и стрельцы Сибири к концу 1-й четверти XVIII в. превратились, неожиданно для самих себя, в служилых людей «старых служб». При обращении к специальным работам по истории сибирского казачества в XVIII в. можно отметить, что исследователи стараются быстрее «проскочить» неопределенный (и непоследовательный в законодательном отношении) период 2-й и 3-й четвертей столетия. В этот «переходный» период 2–3 поколения родственников и потомков служилых людей «старых служб» двигались в направлении правового и организационного оформления казачества как неподатного военного сословия, явив наконец в 1770-е гг. долго искомый образец «новой службы». На временной шкале истории исследователи любят выделять симпатичные «стабильные» эпохи (с другой стороны — стагнационные, застойные), между которыми субъекты истории (этносы, субэтносы, сословия и т. д.) находятся лишь в заведомо ограниченном пути от не совсем совершенного состояния к более совершенному. Между тем движение от одной точки к другой часто длится дольше, чем очередная эпоха спокойствия и регулярности.

Г. А. Леонтьева заключила свою книгу главой, которую, видимо, не нашла в имеющихся работах по истории сибирского казачества: «Post Scriptum. К постановке вопроса о влиянии служилых людей “старых служб” на судьбы казачества Сибири и его становление как сословия». Это попытка (и вполне удачная) выявить непрерывную связь между сибирскими служилыми людьми допетровской эпохи (которая для них продолжалась и при жизни Петра Первого) и более поздним, территориально оформленным в отдельные «войска» забайкальским и сибирским линейным казачеством. Материал главы имеет общесибирский характер и в этом отношении (как и в хронологическом) выходит за рамки названия монографии. Печальный для служилых людей «старых служб» переходный период ознаменовался включением их (1724) в подушный оклад и причислением к категории «разночинцев». По мнению автора, «служилые и их родственники сами создали экономическую основу

для возможности своего включения в подушный оклад» (с. 239) тем, что активно занимались хлебопашеством. И хотя в 1727 г. последовал указ об освобождении от тягла всех служилых людей, на практике его воплощение, особенно в отношении потомков действительно зачисленных на службу казаков, затянулось на десятилетия. Несмотря на кажущийся разрыв со «стариной» и зигзаги правительенной мысли, сибирское казачество последней трети XVIII в. многое унаследовало от предыдущего столетия. Генетическая преемственность от самых многочисленных групп служилых людей XVII в. — пеших и конных казаков — выразилась в сохранении названия для забайкальского пограничного, сибирского линейного и уменьшившегося городового казачества. В то же время фактически исчезли группы сибирских дворян и детей боярских. «Новое» казачество стало более монолитным, сохранило сословный принцип зачисления в службу, освобождение от подушной подати, право на сочетание службы с хозяйственными занятиями, некоторые элементы казачьего самоуправления и иррегулярность как принцип существования особых военных формирований. Г. А. Леонтьева тонко подметила, что нормативные акты XIX в., определявшие социальный статус казачества (и которые служат вехами для историков), отражают реалии, существовавшие гораздо ранее их фиксации де-юре (с. 275). Другими словами, отличительные характеристики казачества XIX в., если не обращать внимания на терминологическую разницу, генетически в основном восходят к тем характеристикам (чертам) служилых людей XVII — начала XVIII в., которые прекрасно освещены в работах Г. А. Леонтьевой и Н. И. Никитина. Это позволило Г. А. Леонтьевой сделать принципиальный вывод: проведенный автором сравнительный анализ с учетом «разночинного» периода неопределенности «позволяет отнести время складывания казачества Сибири как части казачьего сословия к последней трети — концу XVIII в.» (с. 275).

Исследование Г. А. Леонтьевой, являясь весомым вкладом в изучение формирования и эволюции казачества Сибири, предоставляет прекрасный материал для дальнейших размышлений об особенностях начального этапа российской колонизации Сибири. Показательно, что автор, не касаясь напрямую споров о соотношении «правительственной», «вольнонародной», «крестьянской», «служилой» колонизаций, использует такие выражения, как «военно-переселенческая колонизация новых земель», «задачи хозяйственно-колонизационного порядка», наконец, просто «колонизация русскими Забайкалья и Приамурья». Г. А. Леонтьева, как и другие отечественные сибиреведы, «пропустившие» через себя значительный поток документальных источников XVII в., имплицитно делает различие между «колонизаторами» и «колонистами», между «колониальными территориями» и «колонизируемыми землями». И это следует учитывать тем современным авторам, которые легко оперируют понятиями «колониальный порядок», «метрополия и колония» в отношении первого столетия проникновения русских в Сибирь и ее дальнейшего хозяйственного освоения.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Прибайкалья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999. [Aretem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabajkal'ya i Pribajkal'ya vo vtoroj polovine XVII – XVIII v. Vladivostok, 1999.]

*Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
[Vershinin E. V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek). Ekaterinburg, 1998.]*

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. [Leont'eva G. A. Zemleprokhodets Erofej Pavlovich Khabarov. M., 1991.]

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. [Leont'eva G. A. Yakutskij kazak Vladimir Atlasov – pervoprokhodets zemli Kamchatki. M., 1997.]

*Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
[Nikitin N. I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoj Sibiri XVII veka. Novosibirsk, 1988.]*

*ПСРЛ. Т. 36 : Сибирские летописи. Ч. 1 : Группа Есиповской летописи. М., 1987.
[PSRL. T. 36 : Sibirskie letopisi. Ch. 1 : Gruppa Esipovskoj letopisi. M., 1987.]*